

The background of the cover is a high-quality digital illustration of a mountainous landscape. In the upper center, a tall, dark, craggy mountain peak rises, with a thin waterfall cascading down its face. The mountain is partially covered in green moss or lichen. Below the peak, a wide valley opens up, showing a river or stream winding through a forest of green and yellow trees. The sky is filled with soft, white clouds. The overall color palette is dominated by blues, greens, and yellows, with the white of the clouds and snow patches.

Роман Кондор

Обратный КОНТИНУУМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Кондор

Обратный континуум

«Автор»

2025

Кондор Р.

Обратный континуум / Р. Кондор — «Автор», 2025

Это сочинение не является настоящим фэнтези, которое, по большому счёту, интересует лишь молодёжь. Это повествование о силе духа и возможностях человека-землянина, и в то же время своеобразная сага о любви. Настоящую красоту и ценность написанного до конца поймёт лишь тот, кто умеет по-настоящему любить, думать и бороться за свою честь.

© Кондор Р., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. С прибытием Вас, молодой человек...	5
Глава 2. А жить-то ведь, как-то надо...	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роман Кондор

Обратный континуум

Здравствуйте, мои дорогие! Это сочинение не является настоящим фэнтези, которое, по большому счёту, интересует лишь молодёжь. Это повествование о силе духа и возможностях человека-землянина, и в то же время своеобразная сага о любви. Настоящую красоту и ценность написанного до конца поймёт лишь тот, кто умеет по-настоящему любить, думать и бороться за свою честь.

Глава 1. С прибытием Вас, молодой человек...

Природа среднерусской полосы или, как её ещё называют, среднерусской равнины настолько удивительна и неповторима, что любоваться ею можно до бесконечности. Эти, волнами наплывающие, леса, когда взбираешься на пригорок, а потом спускаешься в ложбину – вызывают ощущения морского простора и даже, в какой-то мере, могут его заменить. А эти необъятные и широченные поля вызывают в душе дикий восторг – совершенно без причины хочется петь и кричать во весь голос или куда-то идти, идти, идти..., а потом просто упасть в высокую траву и лежать не шевелясь, глядя в бездонное голубое небо. Конечно же, в этих краях надо родиться и провести здесь детство и юность, чтобы потом, в зрелом уже возрасте и побывав в иных мирах, то бишь, в других местах и уголках где тоже живут люди, можно было сравнить и оценить по достоинству все прелести и ценности своей родины.

День был просто замечательный: не холодно и не жарко. И, хотя для середины октября такая погода редкость, было очень тепло. Все учёные-климатологи и синоптики, делая от удивления круглые глаза, в один голос и во всеуслышание кричали, что это нонсенс, что такого не должно быть, а мистики и суеверы ворчливо бормотали себе под нос – это не к добру, ой, не к добру, как бы не предвестник конца света такая погода. А Юрию было хорошо – тепло и без дождя и он ехал к себе домой. Проведя целую неделю в ненавистных каменных джунглях и унылой конуре маленькой двухкомнатной квартиры, наконец-то вырваться на простор, на волю. Впереди его ждали хлопоты по хозяйству: дети, с их вечными проблемами, типа почини или купи; жена с вопросом – а деньги ты получил и мама... мама, это святое, маму надо беречь, но всё это, и даже машина, которую опять нужно было ремонтировать, не могло испортить его хорошего настроения. Как же приятно после насыщенной бурной трудовой деятельностью недели обрести, наконец, некое подобие покоя и умиротворённости. Он ехал к себе домой... Как вдруг на дороге появилось что-то непонятное – огромных, воистину гигантских, размеров шар. Представьте себе полупрозрачное облако идеально круглой формы метров, быть может, четырёхста в поперечнике и лежащее при этом на земле. И дорога, проходящая через поле, упиралась прямоком в этот шар. Свернуть уже не было никакой возможности – слишком мало оставалось до него метров, и очень большая была скорость. Юрий всегда любил быструю езду, как, впрочем, и любой русский, если, конечно, безоговорочно верить Гоголю. Опять не так – Гоголь никогда не был русским, а быстрая езда, это скорее всего, дань моде и дурацким традициям хозяев жизни вкупе с возможностями современной техники. Пусть так, но, когда приходится резко тормозить – с остатками резины на асфальте и с немилосердным швырянием автомобиля из стороны в сторону – согласитесь, что приятного в этом мало. С криком – откуда ты, сука, здесь взялся и с упоминанием какой-то абстрактной матери – джип Юрия на полном ходу влетел внутрь этого шара, тире облака...

Удар был такой силы, что на какое-то время он просто вырубился. Поначалу Юрий решил, что ударился головой об руль или об лобовое стекло, но после тщательного осмотра

машины и самого себя, пришлось искать другое объяснение. На ум, почему-то, сразу пришло сравнение с гиперзвуковым ударом. Когда-то очень давно, ещё в раннем детстве, его дядя, муж сестры его отца, рассказывал, что лётчики-истребители довольно часто ненадолго теряли сознание при переходе звукового барьера. Он сам, конечно же дядя, лётчиком не был, но всю жизнь был связан с авиацией и Юра, совсем тогда ещё мальчишка, распахнув от удивления глазёнки, с восхищением верил каждому его слову. А теперь, вот, припомнилось... Меж тем снаружи резко потемнело. Чисто машинально, даже не осознавая зачем, он включил дальний свет фар. Но светлее от того не стало. За окнами начали мелькать какие-то полосы, наподобие метеоров, мгновенно вспыхнув и тут же погаснув. Жёлтые, зелёные, оранжевые, красные, белые.... Они ничего не освещали – просто проносились мимо и после них перед глазами ещё долго плавали цветные круги и пятна. О боже, моё бедное зрение! – только и успел подумать Юрий, отчаянно зажмурившись. В один из перерывов между пролётами этих чёртовых огней, он мельком успел заметить, что, судя по приборам, мотор его джипа исправно работает, причём на больших оборотах. Убрав ногу с педали газа, Юрий изменений не заметил – обороты не убавились. Тогда он резко надавил на педаль тормоза, попытавшись буквально вдавить её в пол, и перекинул рычаг автомата сразу на паркинг. Мотор дико взвыл и стрелка тахометра, как бешенная, скакнула в красную зону – чёрт, больше шести тысяч оборотов в минуту. При таком раскладе движок либо идёт вразнос, либо клинит. И то и то для него катастрофа и потому он моментально выключил зажигание, от переизбытка эмоций даже выдернув ключ из замка. Но все приборы продолжали жить своей жизнью – стрелка тахометра балансировала между шестью и восемью тысячами оборотов, на спидометре было больше двухсот километров в час, а указатель топлива напоминал метроном, показывая то полный бак, то пустой, и периодически включая красную лампочку и звуковой сигнал. Пролетевшие за окнами сразу две огненные полосы – одна зелёная другая красная – снова на какое-то время лишили его зрения, а когда оно восстановилось, то он с ужасом обнаружил, что одометр показывал уже шестизначное число. Двести пятьдесят, триста, четыреста двадцать, пятьсот сорок тысяч километров. Циферки на табло менялись с такой дикой скоростью, что уследить за ними было невозможно. Сознание Юрия уже начало мерцать на грани безумия. Это невыносимо – ещё немного и я сойду с ума. Господи! Да что же это такое, в конце то концов! Когда же всё это закончится! И, когда он уже собрался просто завывать в приступе безумного страха, его взгляд упал на электронные часы – они тоже безумствовали и показывали ноль часов двадцать минут. Но его наручные часы, совсем недавно подаренные, командирские с эмблемой ВДВ, были механические и стрелки показывали всего-навсего двадцать минут пятого. Значит, с начала этого светопреставления прошло около трёх минут. Ну, если плюс минус, то всё равно не больше пяти. Просто перед самым попаданием в преисподнюю часы на приборной панели показывали шестнадцать часов шестнадцать минут. А по примете, когда встречается такое совпадение, нужно срочно загадывать желание и успеть загадать его в течении одной минуты. Он не успел...

Наконец мелькание огненных полос прекратилось. Как прекратился и бешенный бег цифр километража. Осталось впечатление, что одометр успел сделать три или четыре оборота. Ерунда какая – подумаешь, там, каких-то всего несколько сотен миллионов километров. И так же резко за окнами стало светло. Двигатель молчал, все стрелки успокоились и легли на место, а сама машина твёрдо стояла на одном месте и больше не раскачивалась. Юрий полулежал с закрытыми глазами, откинувшись на спинку сиденья, и напряжённо размышлял. Вот, ведь, парадокс – оказавшись в такой заднице, в первую очередь думаешь не о том, как из неё выбраться, а как оправдаться перед женой и мамой, и что про тебя подумают другие. Смешно. Но весь юмор заключался ещё и в том, что вокруг были совсем чужие места. Совсем. Абсолютно. По-моему, это была даже не Земля. Пережитый стресс и отходняк после нешуточного страха за свою драгоценную шкуру, как бы притупили на время все остальные эмоции и ощущения. По щекам и по шее стекали крупные капли пота и ручейками ползли за воротник.

Рубашка под кожаной курткой на спине и на груди стала противно липкой и мокрой. Хорошо ещё, что штаны остались сухими. Просто удивительно и, если бы они были тоже мокрыми, то он бы несколько не удивился. Пальцы рук заметно подрагивали, да и всё тело временами пробирала мелкая и противная дрожь.

Дико захотелось курить, и я решился залезть в карман и достать портсигар. Прикурив и с наслаждением затянувшись, я мельком глянул на свои руки и... закашлявшись, едва не выронил зажжённую сигарету и зажигалку – их не было. Рук не было. Сигарета, зажигалка, часы будто висели в воздухе и двигались сами по себе. Отдельно. Непроизвольным движением я схватился за козырёк бейсболки и попытался посмотреть на себя в зеркало заднего вида – лица и головы тоже не было. Кепка просто висела в пространстве, а всё остальное отсутствовало напрочь. В приступе безумной паники я распахнул дверь и выскочил наружу, а потом задрал до колена штанину и увидел, что носок и кроссовок стоят на грунте тоже отдельно. Твою мать, что же это за хрень такая! Что со мной происходит! В отчаянии я размахнулся и врезал кулаком по капоту своей машины. То, что произошло дальше меня сильно озадачило – вместо грохота и резкой боли от удара мой кулак прошёл сквозь железо почти до земли и я чуть не упал, потеряв равновесие. Немного подумав, я медленно и не торопясь протянул руку и потрогал тот же самый капот – он был обычным: твёрдый, каким ему и полагалось быть, разве что слегка пыльный и горячий. Тогда я со всей силы пнул колесо и, как и ожидалось, нога прошла сквозь него беспрепятственно, а потом просто потёр подошвой по резине, чтобы ощутить, что она есть и точно такая же, как и раньше. Джип стоял на поляне в каком-то лесу и до ближайших деревьев было не больше десяти шагов. И я решил провести ещё один эксперимент. Подойдя вплотную к огромному дереву неизвестной мне породы, я долго и тщательно ощупывал его чтобы убедиться в том, что оно есть и довольно прочное и твёрдое, а потом разбежался и... пролетев сквозь него, со всего маха влетел в колючий и жёсткий кустарник. И тут до меня дошло, что я оказался в другом мире, в другом временном измерении, а так как я в него, в это измерение, попал двигаясь на большой скорости, то соответственно полноценного перехода или переноса не получилось – материальные предметы, меня окружавшие в тот момент, материализовались нормально, а я сам и моя оболочка продолжают находится в том времени, откуда я пришёл. То есть, проще говоря, время, текущее внутри меня, не совпадало по фазе со временем, текущим или идущим вокруг. Оно меня, как бы, обтекало. А вообще, интересно-то как получается – время может идти, бежать, лететь, течь, ползти, стоять и застывать на месте, замирать, и даже замерзать; также оно может быть прошлым, настоящим, будущим, крутым, холодным, весёлым и беззаботным, но его нельзя увидеть и потрогать, понюхать или услышать.

Выбравшись из колючих зарослей и повдёргивав из штанов, из носков и шнурков мелкие, но противно-цепкие колючки, я от души посмеялся над своей незадачливостью и глупостью. Благо в кожаную куртку они воткнуться не смогли. Если бы меня мог кто видеть со стороны, тот бы тоже долго-долго смеялся – эпизод был презабавнейший. А потом, внезапно остановившись, я задумался – а почему бы и не попробовать... Я сосредоточился в позе бегуна, берущего разбег с высокого старта, закрыл глаза и мысленно представил себе изнутри салон своего автомобиля, потом, даже не успев дёрнуться, вдруг ощутил, как руль вдавился в грудь, а бейсболка зацепилась за зеркало заднего вида. Ни фига, себе – подумал я про себя – я что, телепортироваться теперь могу, али как...? Ведь до машины было никак не меньше восьми метров. Закурив очередную сигарету, я, уже гораздо спокойнее, подумал – а хватит ли мне курева, если я застряну здесь надолго. Мысли о том, что это может быть навсегда, даже не возникало. Вернее, думать об этом не хотелось несколько. Пока я задумчиво разглядывал сизый дымок, выходящий по салону, в чаще леса прямо напротив меня что-то зашевелилось. Молниеносно отреагировав, я оказался за задней дверью под запаской, даже не успев понять, как это у меня получилось. Напролом, через заросли, судя по скорости приближения и производимому

шуму, ломилось что-то большое и шустрое. Через мгновение на поляну выскочил зверь, по земным меркам чем-то отдалённо напоминающий кенгуру, только раз в пять побольше и с огромной зубастой челюстью, почти как доисторический аллозавр без хвоста. Существо это, несмотря на внушительные размеры, передвигалось настолько шустро, что увернуться от него у меня не было бы никаких шансов, если бы... Если бы мы находились с ним в одном времени. А так я его видел, а оно даже не подозревало о моём существовании, пролетев сквозь меня и машину, как сквозь пустое место. Если это единственные обитатели здешнего мира, то, знаете ли, как-то грустно становится... Значит надо отправляться в экспедицию и тщательно обследовать, хотя бы, близлежащее пространство. А тут ещё и есть, то бишь жрать, отчего вдруг, захотелось. По моим прикидкам я провёл в этом мире не больше сорока минут, но, когда я посмотрел на дату на своих часах... то едва не потерял сознание – с учётом перехода и времени, проведённого здесь, в моём мире прошло больше месяца. Вот, так-то, господа. Вот, Вам и парадокс Эйнштейна...! хотя он, сам учёный, здесь, в общем-то, и ни причём. Он только предположил в своей теории, что в разных плоскостях время может измеряться по-разному. И всё. На деле же всё оказалось гораздо печальнее – стоит мне задержаться тут немного подольше и там, на Земле, про меня никто уже и не вспомнит. Просто забудут или похоронят заочно.

Дав волю своим эмоциям – немного поплакав, немного побесившись, как в самом начале, когда я попытался постучать кулаком по капоту своего джипа – я отправился искать что-нибудь съедобное. Не выпуская из виду поляну, я обошёл всё по периметру и ничего толком не обнаружил, кроме того, что лес дальше не такой уже густой и начинает плавно переходить в холмистую равнину. Начало темнеть уже, и я решил устраиваться на ночлег, когда мне на глаза попалось дерево с красивыми и яркими плодами, вполне на вид употребимыми в пищу. Что-то наподобие маленькой тыквы. Но сорвав один плод, коричневато-жёлтый с красными полосками, съесть я его не смог – перед самым моим ртом он мгновенно превратился в дурно пахнущую бурю кашу. Стряхнув остатки якобы ужина, я, посмеявшись и полюбовавшись ещё раз на отсутствие своих конечностей, сорвал недозревший. Получилось. Значит, с того момента как я его сорвал и до момента непосредственно употребления в пищу, прошло довольно много времени и, зная особенности местного климата и летоисчисления этого мира, можно было вычислить насколько не совпадает время по фазе. Только, вот, нужно ли это...

Мне уже начинала нравится моя новая способность. Оказывается, телепортация, это простое несовпадение фаз и всё, почти, никакой магии плюс везение, хотя в моём случае наоборот – самое жуткое невезение. Когда стемнело окончательно, я забрался в свою машину и, чтобы согреться, решил завести двигатель. У меня было опасение, что он не заведётся... И не зря. Двигатель запустился, но работал как-то он странно – то почти останавливаясь, то взывая на диких оборотах. А потом и вовсе его стало трясти и колотить, как будто внутренности двигателя не желали больше находиться в своей тесной клетке. Придётся, видимо, разводить костёр – подумалось мне, ночи-то здесь прохладные, да и не очень уютно мне было пока что в этом мире. Интересно, а какое время года сейчас в данном месте и в данное время. Ради интереса хотелось бы мне знать? Местные дрова горели хорошо, потому как было сухо и проблем как перед тем с едой, не возникло, как ни странно. Единственно, что было не очень приятно, то, что на свет и тепло слетелись тучи местных насекомых – какие-то огромные каракатицы, похожие на наших малярийных комаров, величаво и плавно кружили вокруг, а стая мелких, но противно-визгливо жужжащих мерзопакостных созданий портила пейзаж и не давала сосредоточиться. Было заметно, что будь у них возможность они бы меня сожрали незамедлительно и не задумываясь. Чтобы создать что-то наподобие дымовой завесы, я бросил в костёр пучок свежих веток с листьями с ближайшего куста неизвестного мне ни по названию, ни по виду. Как только дым стал чуть погуще, летающие бандиты моментально исчезли, но и сам я, едва вдохнув красноватый дымок, тоже отрубился. Только и успев, что прислониться спиной к дереву...

Потом уже, много позже, я узнал, что из листьев этого растения местные жители готовят сильнодействующий наркотик, изредка используя его как лекарство. И встречался он только здесь, на вершине священной горы. И здесь же в этом лесу, раскинувшись на многие сотни гектаров (естественно по земным меркам) всё ещё обитал захор. Та самая помесь кенгуру с аллозавром, от которого мне удалось спастись только чудом. При встрече с ним у людей, ну, или как они тут называются, шансов не было никаких.

В ту ночь или вечер, а, может быть, просто в тёмное время, мне совершенно случайно попался именно этот куст, и я сделал то, что сделал. ... В общем, под воздействием то ли сна, то ли опьянения провалялся я очень долго. Сколько – одному богу известно, да и тот вряд ли сумел бы во всём этом разобраться. Возможно, что для меня в этом мире время текло по-иному – то ли неслошь вскачь рваными клочьями, то ли плелось черепашьям шагом, словно долгими зимними вечерами. Очнувшись, я достал из портсигара очередную сигарету и, с наслаждением затянувшись, вдруг закашлялся так, что чуть глаза не повыскакивали. Всё тело свела судорога и неудержимо захотелось блевать. Кое-как прокашлявшись, я бросил едва подкуренную сигарету и стал прислушиваться к своим ощущениям – да, уж, такого со мной не было очень-очень давно. Класа с четвёртого, або с пятого, когда только я начинал ещё баловаться курением. Странно всё это, ой, как странно. Я что, молодеть что ли начинаю. Ведь, и до младенца так дорости можно. ... А потом я стал искать свою бейсболку – куда-то она закатилась, зараза. И когда возле потухшего кострища, с травой, проросшей сквозь слежавшийся слой пепла и недогоревших головёшек, я обнаружил остатки полусгнившей ткани со ржавыми металлическими заклёпками, меня пробил шок. Со всех ног я бросился бежать на поляну, где стоял мой джип. Издали всё выглядело как обычно – так же лаково-серебристо блестел он в лучах яркого света, так же висел на задней двери чёрный объёмный кожаный запаски и так же весело-непокорно торчал хвост антенны, вечно за всё цеплявшийся. Только марево, какое-то нехорошее, вилось вокруг всей этой идиллической картины. Я долго не решался подойти ближе и всё мрачнее и мрачнее становилось у меня на душе. Ведь, это последний кусочек моего мира, остаток той, прошлой, жизни, в которой был я и мои помыслы, стремления, желания. ... В конце концов, я всё же подошёл и, протянув руку, подрагивающими кончиками пальцев коснулся гладкой поверхности капота. То, что произошло дальше подсознательно было предсказуемо и ожидаемо – автомобиль и всё, абсолютно всё, что внутри него находилось осело кучкой ржавого праха. Лишь только взвилось небольшое облачко бурого цвета и тут же растаяло. ... Я опустился на грунт рядом с холмиком и, уткнувшись лицом в колени, зарыдал. Плакать я разучился уже давным-давно, пройдя сквозь разведшколу, боевые действия и армейские будни с дисциплиной и строгим распорядком. А тут, вот, нервишки-то и не выдержали. Как долго я просидел в такой позе – неизвестно. Сознание отказывалось напрочь что-либо воспринимать и время стало для меня личным врагом.

... Я брёл по лесу, словно алкаш в предпоследней стадии опьянения – не разбирая дороги и не задумываясь, а куда и зачем я, собственно говоря, иду. Есть не хотелось, хотя, на самом деле, это было бы неплохо – в смысле заправиться. Вспомнился, невзначай, Винни-пух с его гениальной фразой – а не пора ли нам подкрепиться. Как говорил в той, прошлой жизни, мой инструктор по вождению, что в нашем деле главное, что...? правильно – вовремя заправиться. Но то дерево с красивыми плодами в виде маленькой тыквы или куда-то делось, или я его не нашёл. А всё остальное съедобного доверия не вызывало. Да и вообще, настроение было совсем плохое. И, когда среди зарослей что-то блеснуло, среагировал я не сразу. Вода...? Озерцо, довольно-таки приличных размеров, оказалось настолько красивым, что в первый миг я даже не сообразил – да, это же вода! Вода и жизнь. Но первым делом, выбравшись к самой воде, я посмотрел на своё отражение. В голове гвоздём сидела, почему-то, одна единственная мысль, что в отражении я увижу Хоттабыча – сморщенное лицо, абсолютно седые волосы и длинную до колен бороду. Жидкость, то ли вода, или не вода вовсе, а что-то иное, была идеально

прозрачная – каждый камешек, каждую травинку видно было настолько хорошо, что даже хотелось их потрогать. Но отражения не было. Никакого. Я снял куртку и закатал рукава рубашки, а затем зачерпнул горсть этой непонятной субстанции и... то, что последовало дальше... Время, проведённое в этих местах, быстро приучило меня ничему не удивляться и зря не дёргаться, но, всё равно, зрелище оказалось не для слабонервных. Прозрачная жидкость, стекая по ладони, по пальцам и дальше вниз до локтя, словно кислота, выжигала из невидимости кусочки кожи. Там, где намокло, была кожа и плоть, а там, где оставалось сухо, по-прежнему не было ничего. Немного поигравшись задумчиво с этой, всё-таки водой, я, отыскав клочок песчаной отмели, разделся, аккуратно сложил пожитки и с мысленным криком – а пошло оно всё к чертям собачьим – с разбега плюхнулся с головой в этот водоём, взметнув вокруг себя тучу брызг. Дно круто уходило вниз, на глубину, и потому вся процедура проходила недалеко от берега, тем более что я, к своему стыду и сожалению, плавал чуть-чуть получше, чем топор. Вынырнув в очередной раз и отфыркиваясь в приступе блаженства, я вдруг увидел, как маленький пушистый зверёк, нечто среднее между белкой и енотом, пытается утащить мою куртку, вцепившись в неё зубами и передними лапками. Это так было смешно и трогательно, но я не хотел остаться без одежды. Её и так мало осталось. Но как же не хотелось вылезать из этого чудо-озера... И я просто громко крикнул – куда, мол, потащил, зараза. Увидев меня, зверь стал тащить быстрее и я, испугавшись, что он успеет убежать со своей добычей рывкнул изо всех сил – стоять, падла. Последствия были шокирующие – сначала по поверхности воды, а дальше и по песку пролетело что-то большое каплеобразной формы и... бедного белкоенота просто унесло вместе с тучей песка и всякого мелкого мусора.

Когда, походив по берегу и слегка обсохнув в тёплых лучах неизвестно какой звезды, я начал одеваться и собирать свои вещи, у меня в руках оказался... телефон. Да, да, он самый. Маленькая и плоская чёрная коробочка. Там, на земле, то есть теперь уже в другом мире, это был, едва ли, не самый нужный предмет в обиходе – дорогой и модный аксессуар, без которого жизнь большинства была и не жизнь вовсе, а так, жалкие поползновения... а тут... У меня был аппарат далеко не дешёвый и я им, тоже, как и все, был весьма горд. В той стране, из которой меня выдернула неведомая сила, настоящие мужчины были просто обязаны гордиться тремя вещами: дорогими телефонами, дорогими авто и дорогими женщинами. Ну, а всё остальное по наличию денежных средств, статуса и апломба или, как альтернатива, наглости. Я никогда не принадлежал к бомонду, но и не был бомжом или бичом, а посему старался от моды не отставать.

Повертев в руках бесполезную отныне игрушку, я чисто машинально, как делал до сих пор тысячи раз, доставая телефон, нажал кнопку включения..., и он зазвонил. Сказать, что я был в шоке, значит, ничего не сказать. Я просто бросил его на песок и несколько мгновений слушал, как играет моя любимая мелодия. На экране мобильного устройства появилась фотография мамы, и продолжал звучать один из лучших хитов группы «Scorpions». Я опять схватил его и, разблокировав, закричал – алло, алло, мама... Но... призрак из прошлого, заблудившийся в пространстве и во времени, исчез так же неожиданно, как и появился. Алло, алло... – но в руках у меня уже была просто коробочка – бессмысленная и бесполезная. Я размахнулся и в отчаянии швырнул мобильник далеко-далеко в озеро.

По щекам опять сами собой потекли слёзы. Но это уже был скорее рецидив, чем тенденция. Какой-то шуршащий звук привлёк моё внимание – а, это опять ты... ну, иди сюда, будем знакомиться... – пушистый зверёк, действительно что-то среднее между белкой и енотом, встал на задние лапы и с любопытством меня разглядывал. Я вспомнил, что в кармане куртки у меня всегда лежали леденцовые конфетки – одна моя знакомая их просто обожала, заодно снабжая ими и меня. А я их не переносил на дух, вот и лежали в кармане. На, попробуй – зверёк долго размышлял, а потом, когда любопытство взяло верх, молниеносно схватил леденец и был таков. Только мелькнул вдалеке его роскошный хвост. Ну, что ж, с прибытием

Вас, молодой человек, теперь можно начинать новую жизнь – мысленно поздравил я сам себя и вслух добавил – к чёрту всё...

Глава 2. А жить-то ведь, как-то надо...

...Вода есть, пусть и странная немного, но есть. С едой, правда, проблемка небольшая, но она решаема. Значит, остаётся только начать обустраиваться. Единственный вопрос, который не давал мне покоя всё это время – смогу ли я вернуться обратно...? Нет, нет – этот мир мне уже начал даже нравиться, но...он не был моим и даже если я здесь задержусь, моим он не будет никогда...вероятнее всего.

Все эти способности, приобретённые, скорее всего, при переходе из одного континуума в другой, не давали повода для гордости. Если б знать, сколько их там ещё и как ими пользоваться. Пугать мелкое зверье, да ныкаться по кустам в случае необходимости – не очень-то и серьёзная наука. А вдруг есть тут всё-таки местные аборигены...? Что мне с ними делать-то тогда...? Занятый своими мыслями, я вышел на очередную полянку, коих оказалось множество на противоположной стороне озера, и встал, как вкопанный, едва не заорав от ужаса – прямо передо мной лежали кучи костей. Ну, вот, накаркал. Человеческих костей. По дальнему краю идеально круглой и хорошо утрамбованной площадки были врыты высокие заострённые столбы. А вокруг повсюду валялись, как попало разбросанные, останки. Я не очень-то большой знаток анатомии, но, поучаствовав в боевых действиях, кое-чему научился и навыки разведчика сейчас и здесь весьма мнегодились. После тщательного изучения малоприятной находки, я пришёл к выводу, что человекоподобных существ не убивали здесь, а просто оставляли привязанными к этим столбам во исполнение каких-то, видимо, ритуалов...ну, а остальное делала звери. К примеру, тот же самый ящероподобный монстр... И, судя по разной степени обглоданности костей, подобные ритуалы проводились в этом месте давно и регулярно.

Уже закончив осмотр и сделав кое-какие выводы, я вдруг почувствовал, что кто-то приближается к этому ритуальному месту. Если в первый раз того монстра я банально услышал, то здесь было что-то другое – какое-то необъяснимое чувство присутствия чужой энергетики. Я сделал быстрое движение и уже довольно ловко спрятался внутри большого дерева. В армии меня научили мгновенно соображать в момент опасности. Через некоторое время стало понятно, что посторонних энергетических полей не одно, а целых восемь. А, вот, теперь уже совсем интересно стало. Я мог абсолютно точно определить – это шестеро мужчин средних лет, высокого роста и крепкого телосложения, не обладающих особым интеллектом; среди них женщина, тоже высокого роста, с хорошо развитой интуицией и обладающая кое-какими экстрасенсорными возможностями; а во главе процессии мужчина намного выше остальных, могучего телосложения и с незаурядными умственными способностями. Все они чем-то обеспокоены и двигаются не торопясь, приближаясь ко мне с юго-востока. Чёрт, откуда я знаю какая здесь роза ветров и как её определить. Но, то, что я это чувствовал, было совершенно очевидно. Оставалось только ждать, когда они появятся в поле моего зрения. Я не ощущал, как ни странно, ни страха, ни даже боязни – скорее уж охотничий азарт и удивлённое недоумение от того, что во мне открылось. Каждое энергетическое поле представлялось в моём сознании в виде кружочка определённого цвета – от тускло-серого до ярко-фиолетового с прожилками красного, зелёного и жёлтого. Общий фон и различные оттенки как раз и определяли способности. Только я не до конца разобрался ещё, что там и как определять.

На тропинке, которую я не заметил, занятый неприятными мыслями, вскоре действительно появились человекоподобные существа. Назвать их людьми, было бы неправильно, потому что люди, в моём понимании, это жители Земли. А, вот, жителями чего являлись они – я не знал. Насколько, оказывается, увлекательное, по первости, занятие копаться в чужом сознании. Столько всего интересного можно найти. Единственно, что приходилось сильно

напрягаться. Всего-то несколько минут, ну, по моим меркам, а с меня уже пот градом, будто грузовик с дровами перекидал.

Надёжно укрывшись, я исподволь наблюдал. Они-то дома у себя, а я чужак, пришелец, так сказать. И являться перед ними сейчас, во всём потрёпанном своём великолепии, по меньшей мере, было глупо. Подождём.

Первым появился, наголо обритый, гигант примерно два двадцать роста с суровой физиономией, на которой с хищным блеском сверкали огромные, почти без зрачков, глаза. Не глаза, а просто глазищи, занимавшие добрую треть лица. В длинном плаще, из-под которого не видно было ни ног, ни обуви и с огромным витиеватым посохом. Поразила меня рука, державшая этот посох – на ней было семь пальцев длиной сантиметров двадцать пять, похожие на щупальца маленького кальмара и гнулись они все в разные стороны. Если три из них держали сам посох, то остальные жили своей жизнью, сплетаясь в замысловатые фигуры. Поравнявшись с деревом, внутри которого находился я, он вдруг резко вскинул свободную руку, сложив из пальцев какой-то знак, и весь отряд мгновенно замер, ошетинившись короткими копьями и небольшими круглыми щитами. Стражники, а судя по их действиям и вооружению это были именно они, развернулись в разные стороны, прикрывая спинами женщину в центре. А она же просто зажмурилась и замерла на месте, едва ни присев от страха.

– Тут кто-то есть... – естественно фразу эту он выкрикнул на своём языке, но я-то всё понял, прочитав его мысли.

– Мы никого не видим, солнцеподобный. Здесь никого нет... – видимо начальник, стражников удивлённо крутил головой по сторонам, не опуская, однако, своего копья.

– Остолопы... я его чувствую... не расслабляться...

Очень давно, в той жизни, когда я учился в разведшколе, преподаватель говорил нам – для того, чтобы стать невидимым не обязательно забиваться в самую узкую и дальнюю щель и перестать дышать, достаточно внушить своему противнику, что тебя здесь нет и он тебя не видит. Мы ему тогда не очень-то и поверили. Но, однажды, я сумел-таки применить на практике то, о чём говорил инструктор. А дело было так: работая личным водителем у большого начальника в министерстве, пришлось мне очень долго ждать, сидя в машине. Вообще, личный шофёр, самое терпеливое существо в мире. А тут, он ушёл со своим другом на экскурсию в монастырь, а меня оставил на хозяйстве, охранять в машине личные вещи и ценные документы. Мне же захотелось в туалет, и сильно захотелось. Ситуация пикантнейшая – и место святое и документы ценные, да и начальник не велел, а по нужде хочется так сильно, что и невтерпёж уже. Кончилось тем, что я в раскоряку добегаю до привратника тире охранника, показываю ему красивые корочки с двуглавым орлом, приказывая встать возле автомобиля по стойке смирно, и бегу через весь монастырь к отхожему месту. Облегчившись, со всех ног несусь обратно и метрах в двадцати-тридцати вижу своего начальника в компании со своим другом. Место открытое, а тропинка всего одна – ни разминуться невозможно, ни спрятаться негде. И соображать нужно быстро.... Посылаю, тогда, начальнику мысленный импульс – ты меня не видишь, меня тут нет, ты даже не подозреваешь о моём присутствии... – и спокойно прохожу мимо в двух шагах от него. И он меня не заметил... сто процентов даю гарантии, что не заметил.

Улыбнувшись мимолётным воспоминаниям, даю мысленный приказ вожаку – всё спокойно вокруг, меня здесь нет. И, о чудо – он, вняв моей установке, успокаивается, давая команду всем остальным двигаться дальше. Когда вся процессия со мной поравнялась, я внимательно разглядел женщину. Высокая, минимум метр девяносто, с огромными миндалевидными глазами – такие девушки встречаются на Земле на Филиппинах – только она была выше, и кожа у неё была темнее, медно-красного оттенка. На шее у неё было блестящее кольцо с длинной и тонкой цепью, другой конец которой держал один из охранников. Нижняя часть лица её была завязана каким-то цветастым платком, а на плечах лежала накидка, в виде свое-

образного пончо, до колен скрадывая всю фигуру и оставляя открытыми только босые ноги. О, боже – она пленница и ведут её на это самое лобное место... Кошачьими скачками я осторожно перебрался как можно ближе. Да, твою ж в бога душу мать! Что за бред-то такой... Это ж натуральное средневековье. Святая инквизиция, бя! Пока я про себя матерился, они добрались до столбов. Четверо встали по периметру, не выпуская из рук оружия, а двое, сняв с женщины кольцо и накидку, под которой не было ничего, кроме связанных за спиной рук, начали сноровисто и тщательно приматывать её к центральному столбу. Предводитель же, встав посередине площадки и, воздев к небу руки со своими кальмарообразными пальцами, нараспев читал какую-то дребедень, которую я не сумел перевести в его мыслях. Какие-нибудь заклинания. В луче яркого света заискрилось навершие его посоха. Хреново, это вполне мог оказаться аналог лазера или шокера. Очень уж сильно от этого посоха тянуло электричеством. Когда охранники закончили и, освободив ей рот, отступили на несколько шагов назад, он, наконец-то членораздельно прокричал –

– Теперь, женщина, можешь кричать сколько захочешь. Захор быстрее придёт...

И направил ей в грудь рукоять своего властного причиндала. Бело-голубая вспышка и женщина обездвижено повисла на верёвках. Чёрт, всё-таки парализатор. Хоть бы не насмерть её...

Мне так хотелось вмешаться в сей нелепый и несуразный процесс, что я, стиснув кулаки и зубы, уже готов был выпрыгнуть из укрытия на помощь этой несчастной. Но, нет – делать этого было нельзя ни в коем случае. Придётся ждать.

С плотоядной улыбкой он оглядел дело рук своих и, махнув плащом, как ворон крыльями, неспешно двинулся в обратный путь. Стражники торопливо бросились вослед. Один из них по пути прихватил одежду своей жертвы. Вот же, крохобор чёртот – а ну-ка, сволочь, положи, где взял. Стражник, вдруг, как-то странно дёрнулся, суетливо скомкал накидку и бросил её обратно к ногам женщины, привязанной к столбу. А я облегчённо выдохнул и вытер пот со лба – вот, уж действительно, как выжатый лимон. Я достал свой портсигар и зажигалку, а потом рассмеялся в голос, хотя это было уже нервное, но, всё-таки – это куда же, Вас сударь, к чёрту занесло...? Сделав пару затяжек, опять, как и в прошлый раз, выкинул сигарету недокуренной. Курить хочется, а организм не принимает. Я подошёл к женщине и, достав свой швейцарский ножик, попытался разрезать верёвки. Но, сделав всего лишь одно касание, почувствовал, что хваленая сталь превратилась в мелкий порошок и просто высыпалась из моих пальцев. Встряхнув руками, я обматерил весь белый свет, но, однако, уже не удивившись, просто начал распутывать узлы. И в этот момент в чаще у меня за спиной раздался хруст, потом треск и какое-то чавканье. Резко обернувшись, я увидел захора, уже вылезающего на круг и готового одним прыжком преодолеть последние метры. Он присел на задние лапы... и отчаянный, душевраздирающий визг в ультразвуковом диапазоне его на секунду задержал. Женщина пришла в себя и, увидев меня и это чудовище, начала кричать. Вот, не знаю только кого она больше испугалась – меня или захора... Я сделал шаг в сторону, и эта тварь промахнулась. Зверь очень удивился, когда я оказался у него за спиной и пока он, грузно топчась на одном месте, разворачивался, я успел сосредоточиться. Собрав в кулак все свои эмоции, я крикнул что было сил, в его зубастую морду – пошёл вон, собака. Ударная волна получилась довольно-таки сильной – многотоннограммовая зверюга отлетела на несколько шагов и, лёжа на спине, беспомощно дёргалась и по пороссячи визжала, пытаясь перевернуться. Я всё ещё стоял в позе сдавленной пружины, когда услышал заразительный смех. Женщина смеялась так очаровательно, что невольно тоже захотелось улыбнуться.

– Так ему и надо... – прочитал я у неё в голове. Она добавила что-то ещё на своём языке, но того мне перевести не удалось.

Вспомнилась одна забавная история, рассказанная человеком с потрясающим чувством юмора. Русский язык велик и могуч, но иностранцы, даже приезжающие к нам на жительство,

часто не могут нас понять. Так, вот, американец приезжает в деревню, дабы проверить свои знания языка, и слышит такой диалог –

- Пошли вон, собаки... – ругалась старушка, выгоняя хворостиной гусей с огорода.
- Простите, бабушка, но, по-моему, это гуси – вежливо поправляет её американец.
- А шо они мне весь огород истоптали, свиньи...

Так и здесь. Обозвать ящероподобную зверюгу собакой – было, как минимум, некорректно, тем более со стороны собаки. И убежал он обратно в лес, прихрамывая и скуля, скорее всего, именно из-за этого.

Она упала передо мной на колени и, сложив руки явно в молитвенном жесте, начала что-то быстро-быстро говорить на своём языке. Из всего этого эмоционального сумбура мне удалось выловить только то, что она мне очень благодарна, что она счастлива быть снова живой и что я для неё теперь господин и бог. Хорошо ещё, что она не стала ставить мою ногу себе на голову, как Пятница у Робинзона Крузо. Мне этого только здесь и не хватало. Ладно, хватит уже, давай, поднимайся. Всё её тело покрывали многочисленные синяки, ссадины и гематомы. На ней просто не было живого места. Я попытался объяснить, что, мол, промой раны водой из озера – легче будет и заживут они быстрее. Её реакция на это меня сначала рассмешила, а потом озадачила – она снова упала на колени и запричитала, чтобы я не убивал её снова. Это, если я правильно понял. Я взял её за плечи и буквально подтащил к берегу – вот, смотри – и, зачерпнув горсть, спокойно умылся. Её лицо превратилось в застывшую маску – из медно-красного оно стало серо-зеленоватого оттенка, а глаза стали размером с блюдца, кофейные блюдца. Все четырнадцать её пальцев сплелись в такой клубок, что не приведи, Господи, потом и не расцепишь и тоже побледнели. А мне было просто дико смешно.

– Дай мне руку... – она несмело протянула свою дрожащую ладошку. Да, уж, ладошка – раза в два с половиной больше моей лопаты. Я всегда считал, что рука у меня здоровая и даже гордился этим. А тут.... Я зачерпнул ещё раз и тонкой струйкой вылил на её пальцы. Глаза закрыты, щёки серо-зелёные и вся она, как осиновый лист.... В конце концов я сумел её убедить, что не смертельно всё это, но надо было видеть, как она, вцепившись в меня мёртвой хваткой своими нежными клещами, очаровательной ножкой пятьдесят последнего размера пробует водичку. Кстати на ногах у них тоже по семь пальцев. Я с большим трудом разорвал её мёртвую хватку, а потом просто толкнул в озеро. Визгу и брызг было – хоть отбавляй.

Мы сидели возле костра и пытались общаться. Со стороны это, наверно, было похоже на общение глухонемых. Во всяком случае и жесты, и мимика были очень похожими, но по-другому, пока, ничего не получалось. Я пытался прочесть её мысли, а потом уже в ответ внушить ей свои, но без привычки и без подготовки мысленные образы получались только с помощью рук. Кстати, она довольно-таки быстро оправилась и от пережитого ужаса предстоящего смертельного наказания, и от чудесного спасения, закончившегося позорным бегством чудовища, и моего появления. А когда я спросил, как её зовут и мысленно продублировал этот вопрос, она засмеялась и произнесла –

- Вайсняяерисна...
- Хорошее имя, звучное – пробормотал я – А можно я буду называть тебя Васей...
- Хорошо, мой господин...
- Чёрт, не называй меня так больше. Поняла...

– Я постараюсь, мой... а-а-а, я... больше не буду... – плаксиво протянула она, после того, как я отвесил ей лёгкий подзатыльник.

Что удивительно, я начал понимать её речь очень скоро. Их язык не был похож ни на какой из земных. Хотя я и не занимался никогда вопросами лингвистики, но, всё равно – уж очень он необычно звучал. Другое дело, что мои приобретённые новые способности давали возможность быстро во всём разобраться. Но и Вася, то есть Вайсняяерисна, тоже здорово помо-

гала. Недаром же я сразу определил её как экстрасенса. Не видя и не слыша ещё, по одному только энергетическому полю.

...Мои часы наконец-то остановились. Не заметил даже, как давно они стоят. Я расстегнул ремешок и долго крутил их в руках, пытаюсь определить сколько оборотов сделал механизм даты. То, что он жил своей, отдельной, жизнью, я знал и по первости даже пытался хоть как-то соотнести здешнее время с земным. Он исправно трудился, настроенный на земное время. Но сколько он отсчитал лет и дней, определить теперь, увы, было невозможно.... Может сто, а может и двести, да бог его знает. Я, когда прыгнул в этот чудодейственный водоём, к сожалению, забыл их снять. Часы были водонепроницаемые и я не снимал их практически никогда, забывая про это, порой, даже плескаясь в ванне или под душем, но эта жидкость, видимо имела другие свойства, нежели вода и.... Да, кто его знает – может и не из-за этого вовсе...

– Какая у тебя интересная вещичка.... А можно мне посмотреть...? – Вайснерисна сидела рядом, по-турецки скрестив ноги и внимательно наблюдала за каждым моим движением.

– На, возьми... – я был так расстроен, что даже не сообразил, что должно было случиться в следующий момент.

– Ай, байлах сайкрыстун (по-нашему примерно, чёрт бы тебя побрал) – и дальше совершенно непонятная мне, пока, длинная тирада, которая в мыслях не отображалась никак. У неё в руках оказалась только, всего лишь, горстка то ли песка, то ли ржавого пепла – ай, что я наделала. Прости меня, мой господин. Ради всех богов Туквана, прости. Я не хотела... – она снова сложила пальцы в молитвенном жесте.

– Ты опять за своё... – я, увидев её удивлённо-испуганные глаза, даже улыбнулся. Так трогательно всё это выглядело. – да не расстраивайся ты так. Что-то подобное и должно было произойти. Я просто не подумал...

– А почему...?

– Скорее всего из-за несоответствия плоскостей временных континуумов...

– ...??? – приоткрыв рот от удивления, она смотрела на меня точно такими же глазами, как перед своим купанием в озере. Я же просто расхохотался –

– Ладно, потом я тебе как-нибудь попробую объяснить.... Всё, давай спать...

Она спала как ребёнок, положив голову мне на колени. По-детски распуслав губы и посапывая. Быть может, в этом мире она и была ещё им. Кто знает, как быстро они тут взрослеют и как долго живут. Она спала, даже не подозревая о том, какие мысли меня тревожат и не дают уснуть. Похоже, что застрял я тут надолго. А жить-то, ведь, как-то надо. Там на Земле, в той, уже прошлой жизни, я считал себя фаталистом. Ближе к полтиннику как-то уже припустилась острота и боль переживаний, а несбывшиеся детские мечты и амбиции стали чем-то далёким и эфемерным. Ну, а окончательно превратиться в нытика и старого маразматика не давала суровая армейская школа. Потому, стать фаталистом, было единственным выходом из положения. А здесь же, жизнь на каждом шагу заставляла меня вертеться, словно уж на сковородке. Откуда пошло такое выражение – неизвестно. Вроде бы предки мои на змей не охотились, да и сам я, мягко говоря, их недолюбливаю, но смысл отображён очень точно. Я чисто машинально гладил её длинные волнистые волосы, тёмно-зелёные с красноватым отливом. По современной моде, там, встретить можно было любой цвет. Но, когда это от природы – смотрится обалденно.... Выпростав руки из-под своего пончо, она положила ладони под щёку и поджала колени – ни дать, ни взять, как спят дети на Земле. Я обратил внимание, что кожа на её плечах, на локтях и на запястьях, там, где были порезы и ссадины, стала абсолютно гладкой и упругой. Не осталось даже следов. Восхитившись чудодейственной силой жидкости из озера, я, не сдержавшись, провёл пальцами по её обнажённому плечу.... Но то, что в этот момент я ощутил меня слегка озадачило – не напугало и не удивило, а именно озадачило. Я увидел на своём мысленном внутреннем экране все её болезни, проблемы и недостатки. И, самое главное, способы лечения.... Получается, что при моих новых способностях обычный тактильный

контакт способен творить чудеса. И тут же пришла другая мысль – а мои, интересно, старые шрамы случаем не исчезли...? Я осторожно, чтобы не потревожить очаровательное спящее создание, провёл рукой по своей правой лодыжке, где у меня был жуткий ветвистый шрам ещё с армейских времён, но так толком ничего и не понял. Нет, походу дела это уже перебор, потом будем, знаете ли, разбираться, что к чему...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.